

## ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Одинъ изъ моихъ читателей какъ то недавно въ разговорѣ со мною упрекнулъ меня въ томъ, что я игнорирую современныя бездетристовъ, ничего не говори объ ихъ произведеніяхъ. «А между тѣмъ, вѣдь они существуютъ, пишутъ и печатаются!» прибавилъ онъ въ видѣ послѣдняго аргумента. Съ кившей стороны этотъ упрекъ, пожалуй и справедливъ. Дѣйствительно, сколько мнѣ помнится, изъ всѣхъ бездетристическихъ произведений послѣдняго времени я только и говорилъ о повѣсти г. Ахшарузова «Новая деревня», да и то не потому, чтобы она остановила на себѣ мое вниманіе своими выдающимися художественными достоинствами, а просто вопросъ-то въ ней затронуть былъ весьма интересный съ общественной точки зрѣнія. Въ обществѣ же, и дѣйствительно игнорировалъ современныхъ бездетристовъ и ихъ произведенія и, скажу откровенно, нисколько объ этомъ не жалко и ничуть въ этомъ не раскаиваюсь. Тѣмъ не менѣе, готовъ допустить, что такое игнорированіе представляетъ пробѣлъ въ моей роли обозрѣвателя явленій нашей литературной жизни, и я теперь охотно пополнию этотъ пробѣлъ, чтобы избѣжать на будущее время подобныхъ упрековъ. Дѣлюю это тѣмъ охотнѣе, что это дастъ мнѣ разномъ возможность уснѣнить читателей, почему я ничего не говорилъ о современной бездетристикѣ.

Нельзя отрицать, что бездетристика и бездетристы у насъ есть, можно даже сказать, процвѣтъ бездетристики и бездетристовъ. Я думаю даже, что въ этомъ отношеніи «Критико-біографическій словарь» г. Венгеровъ является предпріятіемъ безнадѣжнымъ, ною проживи г. Венгеровъ мою ошибку и тогда онъ его не окончить. Бездетристы найдутся гораздо больше, чѣмъ появляются выпуски «Словаря», и никогда г. Венгерову не угнаться за бездетристами. Такъ богато обставлена наша бездетристика съ количественной стороны. Съ качественной—дѣло обстоитъ нѣсколько иначе и—правду сказать—довольно скверно. Въ этомъ отношеніи крайне любопытно наблюдаемое нынѣ характерное явленіе, совершенно обратное тому, какое замѣчалось раньше, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда появлялись въ свѣтъ произведенія корифеевъ русской литературы Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевскаго. Произведеніе новаго произведенія того даже изъ этихъ писателей составляло нѣкое событіе въ литературномъ мірѣ. Не говоря уже о публикѣ, которая буквально зачитывалась ими, критики всѣхъ лагерей и отбывовъ (и такихъ въ то время было таки изрядное количество) удѣляли имъ главное вниманіе, а въ этомъ отношеніи всѣ лагери слагались и дѣйствовали съ рѣдкимъ единодушіемъ. Теперь же о такомъ чрезвычайномъ прошествіи, чтобы вниманіе и публики, и критики сосредоточивалось на одномъ какомъ либо произведеніи (если оно не является въ какой либо экстраординарной обстановкѣ, въ родѣ пресловутой «Крейцеровой сонаты»), и толковать нечего. Можно сказать, что теперь бездетристика подвинула между собою область критики, такъ что, наприм., Иванъ Измайловъ пишетъ для Петра Петровича, а Максимъ Максимычъ для Сидора Осиповича. Одинъ критикъ беретъ на себя «обрабатывать» одного бездетриста, другой—другого, третій—третьяго и т. д., словомъ, всякій выбираетъ для себя изъ всего этого бездетристического обилія то, что больше всего подходитъ къ его критическому «жанру», настроенію, способу изложенія, къ тѣмъ мыслямъ, какія въ данную минуту бродятъ въ головѣ критика, и проч.

Другую характеристическую особенность бездетристическихъ произведений послѣдняго времени является ихъ форма и разрабатываемыя въ нихъ темы. Нынѣче въ большомъ ходу всевозможныя эскизы, наброски, этюды, въ которыхъ законченность совсѣмъ отсутствуетъ. Такою же эскизностью, случайностью отличается и выборъ темъ. Нынѣшнему бездетристу, напримѣръ, ничего не стоитъ изобразить, какъ такой-то господинъ шелъ по Невскому проспекту, и что онъ въ это время думалъ, или такая-то дама хотѣла поцѣловать такого-то прекраснаго молодого человека, но пролетѣлъ воробей и помѣшалъ сему совершиться. Эта эскизность придаетъ современной бездетристикѣ какой-то дегучій, чисто газетный характеръ, обрекаетъ ее на служеніе минутной «злобы дня». Конечно, я далеко отъ того, чтобы совершенно исключать изъ задачъ бездетристическаго произведенія всякую «злобу дня». Напротивъ, мнѣ кажется, что бездетристическое произведеніе, какъ отражающее общественную жизнь, зачастую не можетъ обходиться безъ этихъ «зловъ», изъ которыхъ самая жизнь нерѣдко слагается. Но злоба злобъ разны. Иная злоба отражается на всей послѣдующей жизни общества, неразрывно съ нею сливается, иная же только скользя по поверхности жизни, на мигновеніе задѣваетъ ее, но проносится мимо, не оставивъ по себѣ слѣда, почему и называется минутной. Первая всегда можетъ найти мѣсто въ бездетристическомъ произведеніи, вторая составляетъ предметъ публицистики, фельетона.

# Киевлянин.

1891. 2 апреля. № 74.

С. 2.

фарма, хроники происшествий, что угодно, только не беллетристика.

Надо сознаться, что, к сожалению, в нашей беллетристике преобладают именно последние рода «забытые дни», «забытые» исключительно газетного характера. В этом отношении наши беллетристы променяли даже какую-то болезненную чуждость. Пишутся романы, повести, рассказы, очерки, сюжеты которых навязаны всевозможными «вопросами», какими особенно богато именно наше время. Такой вопрос сначала разрабатывается публицистикой, затем на эту тему пишутся рассказы, повести, представляющие как бы беллетристическую иллюстрацию к передовым статьям. Недаром один из моих знакомых, характеризуя современную беллетристику, сказал, что скоро у нас начнут писать романы и повести о медио-кративном кредит, разверстанном, неотчуждаемости крестьянских надельных и т. п. Конечно, принимаемое в неограниченном смысле, такое мнение звучит парадоксом; но нельзя не сознаться, что, читая некоторые из нынешних беллетристических произведений, действительно можно показаться, что имеешь дело с самой настоящей передовой статьей, посвященной одному из быстро набѣгающих и столь же быстро убѣгающих общественных вопросов. Чтобы не ходить далеко за примером, достаточно указать на помещенную в мартовской книжке «Русского Вестника» повесть довольно известной и плодотворной писательницы, г-жи Мердер, пишущей под псевдонимом Н. Северина, носящую название «На пепелище». Прочтя ее, вы как то невольно вспомните одну из статей «Нового Времени» против развода. Видно, что писательница собственно до развода имѣла никакого дела, а просто подвернула ей под руку «вопрос», она и обработала его в беллетристической форме, сохранив все приемы вдохновившей ее статьи. Муж, страдая бессонницей, случайно видит приятеля выходящим из будуара своей жены. Это влечет за собою разлуку супругов, и затем идет подробное описание процедуры, какою сопровождается у нас развод. Наконец, развод совершился, жена выходит замуж за приятеля мужа, и потом вдруг оказывается, что с этой минуты для соединившихся наступило не счастье, а каторга, так как разведенная жена, с минуты второго замужества, возненавидѣла второго мужа и стала опять любить первого. Может быть, такие психологические казусы и встрѣчаются в действительности, но приводить их в виду аргумента против развода, как это дѣлает г-жа Мердер, до-

вольно рискованно, тем более, что писательница в этом случае, опять таки по газетному обычаю, пренебрежительно обходится без всякой психологической преюбности, а потому возненавидѣла? Все это так и остается темным для читателя, которому предоставляется вывести уже из своей страсти и риска из повести мораль, что разводиться, мол, не надо, так как все равно жизнь будет самая каторжная. Точно также одна из недавних повестей П. Боборыкина «Поумнѣлъ», напечатанная в последних книжках «Русской Мысли» за прошлый год, написана по рецепту передовых статей «Новостей», трактуя довольно поверхностно вопрос о либерализмѣ и либералах, и если хорошенько покопаться, то можно указать еще много образчиков такой мимолетной беллетристики. Конечно, было бы одностороннее такое направление современной беллетристики приписывать всецѣло развитію у нас в последнее время газетного дѣла, как некоторые утверждают. Но несомненно, что раз такое направление существует, газета представляет для него очень удобную почву. Специальные условия газетного дѣла благоприятствуют созданию особого рода литературы, въ видѣ коротеньких, отрывочных фельетоновъ, самый разбѣр которых часто опредѣляет и судьбу произведенія, чѣмъ оно должно быть, т. е. чѣмъ-то недоговореннымъ, недодѣланнымъ. Параллельно съ этимъ сравнительно медленный ростъ толстых журналовъ, ихъ, такъ сказать, неповоротливость и консерватизмъ должны были сдѣлать то, что газета большинство наличныхъ литературныхъ силъ притянула къ себѣ, а некоторые изъ этихъ силъ, какъ, напр., А. Чеховъ, и оперлились, возмужали именно на газетномъ полѣ, начавши свою литературную карьеру маленькими газетными очерками. Некоторые уже изъ вполне опредѣлившихся писателей, какъ Вл. Короленко, Мачтетъ, Д. Сябарякъ, К. Станюковичъ, Габѣ Успенскій, и теперь продолжаютъ, кромѣ журналовъ, печатать свои небольшіе очерки въ газетахъ. Разумѣется, противъ маленькихъ газетныхъ рассказовъ и очерковъ въ принципѣ ничего нельзя сказать. Небольшой очеркъ много таланта писателя не промѣняешь на большой романъ другого, въ которомъ этого таланта нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что наши беллетристы эскизность своихъ газетныхъ очерковъ какъ-бы возводятъ въ систему и повторяютъ ее и въ своихъ большихъ произведеніяхъ, а это ужъ совсѣмъ не хорошо. Дѣйствительно ли тутъ нѣкая система или же причина просто дурная привычка нашихъ беллетристовъ, укрѣпив-

# Киевлянин.

1891. 2 апреля. № 74.

С. 2.

исполненьи ихъ, благодаря газетной работѣ, а газетный требованій, вопреки отъ этого не мѣняется, и недостатки современной беллетристики останутся былыми въ глазахъ фантомъ, надъ которыми нѣсколько придется остановиться и задуматься.

Чтобы рельефнѣе отбѣить только что высказанную мысль, возьмемъ лучшее изъ послѣднихъ произведеній нашей беллетристики, очеркъ г. В. М. «Мимочка на водахъ», напечатанный въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за текущій годъ. Познакомимъ прежде всего читателя съ содержаниемъ этого очерка.

«Мимочка» — это хорошенькая петербургская куколка, какихъ много встрѣчается въ такъ-наз. beau monde. Не по любви, а какъ-то совсѣмъ случайно Мимочка вышла замужъ за Спиридона Ивановича, почтеннаго генерала, «который командуетъ дивизіей, и которому цѣлая дивизія глядитъ въ глаза». У Мимочки родился «бебе», и сначала она была вполне довольна своимъ существованіемъ, выѣздами, балами, заботами о своемъ «бебе», и ни одна грустная мысль не касалась ея непорочнаго существа. Но съ нѣкоторыхъ поръ, ни съ того, ни съ сего, Мимочка вдругъ стала тосковать, бѣднѣть и худѣть. Докторъ посоветовалъ бѣжать на воды, и Мимочка съ своей маманъ бѣдетъ въ Желѣзноводскъ. Здѣсь Мимочка встрѣчается съ провинціальнымъ Донъ Жуаномъ, какимъ-то кievскимъ адвокатомъ, обладающимъ поэтическимъ именемъ «Валь» или Валерьянъ, незамѣтно увлекается имъ, и въ тотъ день, когда ей становится ясно это, она сама себя называетъ по-французски «une femme perdue».

На лонѣ Кавказа разыгрывается обычный романъ. Мимочка считаетъ себя «погибшей женщиной», но это сознание доставляетъ ей тайное удовольствіе. Ей хочется имѣть романъ, но такой романъ, который обставленъ былъ бы безусловной тайной, послѣ котораго остались бы одни «пріятныя воспоминанія» по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Мимочка расцвѣтаетъ — все идетъ прекрасно. Вдвоемъ съ прекраснымъ адвокатомъ она изучаетъ окрестности, въ особенности «замокъ коварства и любви», гдѣ собственно и происходитъ «паденіе» Мимочки. Тутъ Мимочка чувствуетъ себя «положительно не на землѣ». «Не можетъ быть», думаетъ она: «чтобы это была та самая луна, которая свѣтила Спиридону Ивановичу и бебе». «C'est feerique, c'est feerique!» восторгается она, сама такой красотой, какой никогда не видалъ Спиридонъ. Извѣстивъ, даромъ, что онъ командовалъ дивизіей, а цѣлая дивизія смотрѣла «на» въ глаза «Валь» и Мимочка пробажжествуетъ

какимъ цѣлымъ дѣломъ. Къ концу сезона «Валь» уѣзжаетъ, а Мимочка, съ сердцемъ, полнымъ «пріятныхъ воспоминаній», возвращается въ Петербургъ. На вокзалѣ встрѣчаютъ ее мужъ, родные и друзья. При видѣ ея изумительной красоты, все вскрикиваютъ отъ удивленія и не находятъ достаточныхъ похвалъ этимъ кавказскимъ водамъ, несправедливо оклеветаннымъ любителями всего иностраннаго. Мимочка очень довольна произведеніемъ ею впечатлѣній. Если на нее порою находили упрямленія совѣсти, она отпихивала ихъ прочь и, показывая своимъ пріятельницамъ фотографическій снимокъ «замокъ коварства и любви», спокойно говорила: «Я ѣздила туда верхомъ... Очень красиво. Особенно при лунѣ... c'est feerique».

Таково содержаніе очерка. Написанъ онъ положительно талантливо, и его и бросишь, не дочитавъ до конца. Талантъ автора сказанъ въ описовкѣ фигуры самой героини и всей ея обстановки; рисуетъ онъ легкой, изящной кистью, языкъ его блещетъ неподдѣльнымъ юморомъ, удачно гармонируя съ фономъ картины и дѣйствующими лицами. Сразу видишь, что иначе писать и говорить нельзя, какъ только въ юмористическомъ тонѣ. Но все эти достоинства являются чисто внѣшними украшеніемъ, благодаря выбору темы, анекдотической и даже пошловатой. И въ концѣ концовъ, грустно становится, что и юморъ и несомнѣнный талантъ писателя брошены на вѣтеръ.

Теперь, я думаю, читателямъ понятно, почему я такъ рѣдко говорю о произведеніяхъ современной беллетристики. Подождите, можетъ быть и явится что-нибудь выдающееся изъ ряда обыденной посредственности. Я могъ бы указать, какъ и такое незаурядное произведеніе, на повѣсть К. Станюковича «Первые шаги», печатающуюся въ «Вѣстникѣ Европы» съ новой книжкой; но не рискую высказываться категорически раньше окончанія повѣсти, чтобы не повторилось со мною казусъ, подобнаго тому, какой вышелъ съ критикомъ «Новостей», г. Скабичевскимъ. Прочитавъ въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» начало очерка «Мимочка на водахъ», о которомъ я только что говорилъ, онъ подумалъ, что очеркъ и кончается въ той же книжкѣ и чуть ли не самымъ главнымъ достоинствомъ призналъ то, что читатель каждую минуту ждетъ отъ Мимочки романъ и такъ и остается до конца при одномъ ожиданіи: никакого романа не происходитъ. А романъ началъ да и произошелъ въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы».

К. Ивановичъ.